

АЛЕКСАНДР РУЖ

Четвертый коготь дракона

НОВЫЕ ОПАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АНИТЫ МОРРЬЕНТЕС

Колоритный детектив

Александр Руж

Четвертый коготь дракона

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Руж А.

Четвертый коготь дракона / А. Руж — «Эксмо»,
2020 — (Колоритный детектив)

ISBN 978-5-04-114171-4

1849 год. Путешествуя по Швейцарии, Анита Моррьентес и ее муж Алекс знакомятся с занятыми попутчиками – американцем Грином и щеголеватым юношей, путешествующим инкогнито. Неожиданная ссора в купе вынуждает всю компанию выйти на станции, в результате чего супруги и их попутчики отстают от поезда. Это неожиданно оборачивается большой удачей: на поезд нападают неизвестные бандиты, преследующие юного щеголя. Происходит череда перестрелок, но Максимовым и их спутникам удается спастись. А позже они узнают, что щеголеватый юноша – сам австрийский император Франц-Иосиф. Он инкогнито приезжал в Швейцарию, чтобы свидеться со своей возлюбленной – некой Жозефиной, и это далеко не последняя его встреча с Анитой и Алексом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114171-4

© Руж А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Руж

Четвертый коготь дракона

Пролог

Сначала была тьма, и ничего, кроме тьмы.

– Да будет свет! – произнес надтреснутый мужской голос, и сей же час вспыхнул огонь, озарив свод и стены герметичного подвального помещения без окон и с единственной дверью.

Через эту дверь только что вошли двое: старик с длинными серебристыми волосами, которые сплетались с такими же серебристыми усами и бородой, делавшей его похожим на джинна из восточных сказаний, и молодая девушка высокого роста, с белокурыми локонами. На старике были матерчатые нарукавники и кожаный фартук, на девушке – темное платье с белым передником и черная косынка – типичный наряд монастырских сестер милосердия. В руке старик держал прозрачную банку со встроенным в нее стеклянным сосудом без дна. Цинковая пластина внутри сосуда омывалась маслянистой жидкостью, а над банкой ровно горело яркое желтое пламя.

– Что это, отец? – спросила девушка с живым интересом. – Я никогда не видела таких приборов.

– Это водородное огниво, – ответил старик. – Германское изобретение... Цинк взаимодействует с серной кислотой и выделяет водород, который воспламеняется, если открыть вот этот клапан. Там, на полке, еще один такой же светильник. Отвинти крышку и заправь его кислотой. Видишь бутылку у стены? Только осторожно: если кислота попадет на кожу, она сожжет тебя...

Девушка огляделась и увидела стоявшие в ряд три вместительные бутылки. Поднатужившись, приподняла одну, налила немного содержимого в горелку. Старик завинтил крышку, открыл выпускной клапан. Лепесток пламени выпорхнул из горлышка банки.

– У меня есть восковые свечи, но они – скорее дань традиции, атрибут прошлого. Мне скоро семьдесят, однако я стараюсь поспевать за прогрессом...

Старик пристроил обе лампы на столе, и огонь осветил все углы таинственного закутка, напоминавшего алхимическую лабораторию. Повсюду расставлены были емкости из стекла, металла и других материалов: колбы, реторты, бутылки, алембики. Некоторые из них снабжались цедильными конусами, вставленными в воронки и удерживающими фильтровальное сукно. В кюленевом горшке – толстостенной посудине с короткой узкой шейкой – плескался фиолетовый раствор. Тут же притулилась бронзовая ступка с тончайшим порошком, а подле нее – волосяное сито. Мерная рюмка с делениями, термометр, гигрометр, пирометр, ареометр... Справа от двери – потемневшая от реактивов ванна, слева – металлический бак с краником. Удивительно было, как все это удалось поместить в такой тесноте.

– Ты похож на древнего мага, – промолвила девушка благоговейно, – а это – твоя колдовская пещера...

– Счастье, что мне удалось наткнуться на эту камеру. Здесь мне никто не мешает, я могу заниматься своим делом...

– Как ты ее нашел?

– Случайно. Когда-то в ней, по всей видимости, держали особо опасных узников. Полная звуконепроницаемость, изоляция от внешнего мира. Как попасть сюда, знали только избранные, которых уже не осталось в живых. И вот я открыл это подземелье для себя... Теперь и ты знаешь, где оно находится. Поклянись, что будешь держать язык за зубами!

– Клянусь, отец!

– Хорошо... Сейчас я покажу тебе результат моих трудов. Отойди подальше.

Девушка попятилась, вжалась в угол. Атмосфера лаборатории внушала невольный трепет. Старик натянул плотные нитяные рукавицы, надел на седую голову колпак в виде птичьей головы, наподобие тех, что носили средневековые доктора во время чумных эпидемий, приоткрыл «клюв», бросил туда несколько желтых гранул.

– Это вещество, способное нейтрализовать любой токсин, – прогудел он из-под маски.

Затем со всеми предосторожностями извлек из деревянного сундучка, стоявшего под столом и разделенного на квадратные ячейки, узкую пробирку, заполненную чем-то белесым. Полюбовался ею на свет.

– Это она? – с придыханием спросила девушка.

– Она самая, – кивнул старец. – Смерть. Беспощадная и мучительная. Не смотри, что объем этой пробирки ничтожно мал. В ней сидит демон, способный погубить целые народы...

В своем остроклювом шлеме он был похож на грозное древнеегипетское божество, и слова изрекал страшные, наполнявшие сердце ледяным холодом. Плечи девушки под темным платьем заметно подрагивали.

– И ты собираешься выпустить этого демона на волю? – спросила она полушепотом, не спуская глаз с пробирки.

– Это будет крайнее средство. Я не прибегну к нему до тех пор, пока не иссякнет надежда решить вопрос малой кровью... Все зависит от тебя. Я верю в твои способности, в твою хитрость и ловкость...

– Я не подведу, – пообещала девушка неожиданно окрепшим голосом. – Особенно теперь, когда я узнала, какое чудовищное зло ты держишь в этом стеклянном сосуде...

Новые нотки в ее тоне заставили старика встрепенуться. Его рука с наполовину утонувшей в рукавице пробиркой застыла в воздухе. А девушка отделилась от стены, вынула из-под передника капсюльный бундельревольвер, в просторечии именуемый перечницей, и направила его дуло прямо в клювастую морду.

– Что за выходки, Марта? – спросил опешивший старец. – Спрячь оружие! Вокруг – емкости с химическими веществами. Если ты повредишь хоть одну из них...

– Не беспокойся, я стреляю метко. – Девушка нажала на спуск и сшибла пулей пустую колбу со стола. – Убедился?

– Что ты делаешь! – испугался старик. – Нас услышат...

– Ты говорил, что здесь идеальная звуконепроницаемость... А теперь подойди сюда и брось пробирку в ванну.

– Я не стану этого делать!

– Станешь. Иначе следующая пуля достанется тебе.

Старик на негнущихся ногах подошел к ванне. Девушка посторонилась. Она двигалась, как рысь на мягких лапах, и при этом держала старика цепким взглядом, а револьвер в полу согнутой руке сидел как влитой.

– Бросай!

Старик, помедлив, разжал пальцы, пробирка брякнулась о дно ванны. Стекло разбилось, мутная субстанция растеклась лужицей.

– Теперь бери бутылку, – скомандовала девушка. – Лей в ванну кислоту.

Старик повиновался. Кряхтя, приподнял тяжелую бутылку, положил боком на край ванны, опорожнил. Кислота покрыла осколки, смешалась с содержимым пробирки.

Поведение девушки сразу переменилось.

– Демона нет! – сказала она буднично, почти весело. – Он стерт с лица земли.

– Мне ничего не стоит создать нового. Процесс освоен, дело за малым...

– Ты больше ничего не создашь. Когда на одной чаше весов – жизнь отдельного человека, а на другой – тысячи... как ты думаешь, что я выберу?

– Кто ты? – просипел старик. – Кому ты служишь?

– Я служу закону и порядку. Мог бы и сам догадаться.

– Значит, тебя нарочно подослали ко мне? Я был слеп... Верил, что ты предана мне всей душой... ты была для меня как родная дочь!

– Я хотела, чтобы все было именно так. Иначе мне не удалось бы войти к тебе в доверие и попасть в твоё святилище. Но комедия окончена, пора опускать занавес.

Старик отступил к двери, протянул руку к рычагу, которым отпирался замок.

– Отойди в сторону! – приказала амазонка и качнула револьвером.

На это он и рассчитывал. Сдвинулся влево, за спиной оказался бак. Рука, заведенная назад, нащупала сквозь рукавицу краник. Рукавица мешала, но снять ее означало привлечь лишнее внимание.

– Пирос найдет тебя! – заявил старый ученый. – Если ты меня застрелишь, он найдет тебя где угодно...

Девушка засмеялась, точно он сморозил несусветную глупость.

– Твоему выродку ни за что до меня не добраться! Моего настоящего имени он не знает. Послезавтра я буду уже в Вене, а потом... надо подумать, куда отправиться потом. Награда за выполнение миссии будет щедрой, я смогу ни в чем себе не отказывать...

Старику наконец-то удалось уцепить скользкий краник.

Плавный поворот муфты на сто восемьдесят градусов. Еле слышное шипение.

Старик заговорил громче:

– Думаешь, вы одни такие умные? В Вене у нас тоже есть свои люди. Они нанесут ответный удар, как только получают приказ...

Она подступила вплотную, уперла ствол револьвера ему в подклюе.

– Кто они? Ты знаешь их имена? Назови!

– А что мне за это будет? Ты все равно меня убьешь...

Поторговаться, потянуть время! Всего-то и надо – выгадать три-четыре минуты.

Амазонка насупилась, косынка съехала ей на брови.

– Я не уполномочена решать твою судьбу. Но сегодня я могу сохранить тебе жизнь. Передам в центр, что ты располагаешь важными сведениями. Остальное решат там.

Старик закапризничал:

– Они вытянут из меня все, что я знаю, а потом прикончат!

– У тебя есть шанс выкрутиться. Империя нуждается в талантливых ученых...

Голос девушки прервался, она закашлялась. Глаза у нее раскрывались все шире, дыхание учащалось.

– Что со мной? – пробормотала она, словно в бреду. – Почему все плывет?.. Мне не хватает воздуха!

Старик скользнул вбок, револьвер смотрел теперь в стену над баком. Лицо девушки искажилось.

– Это твои проделки? – Ее повело, она едва устояла. – Я тебя пристрелю...

Револьвер плясал в ее руке. Старик без труда выдернул его, толкнул девушку к ванне.

– Нет! – простонала она, задыхаясь. – Я не...

Она прижала обе руки к пышной груди и обмякла на полу возле ванны. Еще через минуту все было кончено.

Старик поскорее закрутил краник на баке, приподнял труп, перекинул его через край ванны. Вылил на тело погибшей амазонки кислоту из всех имевшихся в подземелье бутылей. В горле першило, замкнутое пространство было перенасыщено ядовитыми парами, не спасала даже защитная маска с сильнодействующим антитоксином. Надо было срочно уходить.

Старик погасил обе водородные горелки, бросил скорбный взгляд на труп, залитый кислотой и постепенно покрывающийся черными разводами, осенил себя крестным знамением, торопливо вышел из лаборатории и закрыл тяжелую дверь.

Глава первая

Тихий омут

Дым и копоть. – Шесть пассажиров. – Разговорчивый сосед. – Ода техническому прогрессу. – Островок спокойствия в мире хаоса. – Нахальный юнец. – Максимов ввязывается в международный конфликт. – Killwangen. – Воспитательная беседа. – Под прищелом. – По ком звонит колокольчик. – Гонка на шарабане. – Короткая дорога. – Вредное свойство буковых деревьев. – Как на Диком Западе! – «Смуглянка Бесс». – Первые и вторые. – Гремучая ртуть. – Двенадцать трупов в одном вагоне.

Маленький смешной паровозик, похожий на слегка скособоченный самовар, который зачем-то водрузили на подставку с четырьмя колесами, тащил за собой состав из пяти вагонов – четырех пассажирских и одного почтового. На вагонных крышах громоздились тюки и чемоданы с багажом. Косматый шлейф дыма, вырывавшийся из паровозной трубы, обволакивал их смрадным облаком. Из-за этой завесы живописные швейцарские пейзажи, расстилавшиеся вокруг, блекли и казались черно-серыми – как на фотопластинке скверного качества.

Вагон первого класса был разделен перегородками на несколько отделений – по шесть сидячих мест в каждом. В одном из таких отделений ехала семейная пара: российская подданная испанского происхождения Анита Моррентес и ее супруг – военный инженер, майор в отставке Алексей Максимов. Они второй год путешествовали по Европе, побывали в Германии, Франции и недели три назад перебрались в Швейцарию. Пожили немного в Лозанне, в Берне, в Базеле, после чего Максимов уговорил Аниту съездить в Цюрих. Не то чтобы в этом городе находилось что-то неординарное, мимо чего нельзя было пройти, – просто Максимов, имевший в России непосредственное отношение к железнодорожному строительству, решил прокатиться по первой и пока единственной в Швейцарии чугунной магистрали, шедшей как раз из Базеля в Цюрих.

И вот они уже второй час катились по немилосердно жесткой колее. Анита, обычно со стойкостью переносившая качку и тряску, проклинала ту минуту, когда дала мужу согласие на поездку. Хотя он-то, следует отметить, сделал все, чтобы обеспечить им максимальный комфорт. Билеты взял в вагон первого класса – единственный, где окна были забраны стеклами. Вагоны второго и третьего классов продувались насквозь, пассажиры, сидевшие в них, глотали паровозный дым и коптились, как дичь на костре.

Анита была благодарна Алексею за заботу, но, посидев немного в своей комфортабельной клетушке, подумывала уже о том, не перебраться ли во второй класс. Стоял июнь, лето выдалось жаркое, и в закупоренном вагоне, набитом людьми, было совершенно нечем дышать. Анита пробовала обмахиваться веером из страусовых перьев, однако это не приносило ни малейшего облегчения.

Зато сосед четырех Максимовых – молодой американец в простецком немарком парусиновом пиджаке и таких же парусиновых штанах по моде генуэзских моряков – от путешествия был в полном восторге. На языках континентальной Европы он изъяснялся с трудом и, когда узнал, что Анита худо-бедно знает английский, избрал ее мишенью для своих речей во славу технического прогресса.

– Деятнадцатый век – век великого прорыва! – тараторил он так бойко, что Анита едва поспевала за его скороговоркой. – Между Базелем и Цюрихом – полсотни миль, и мы преодолеем их со всеми остановками меньше, чем за три часа. Двадцать миль в час, представляете, миссис? Полвека назад никому и не снилась такая скорость...

– К этой бы скорости добавить немного удобства, – уныло заметила Анита, ерзая в тесном пространстве между Максимовым и еще одним соседом – молчаливым пожилым усачом в офицерском мундире.

– Удобства? – мгновенно отозвался американец. – Да, в этом отношении Европе есть чему поучиться... У нас в Пенсильвании десять лет назад появились спальные вагоны. Правда, перегородок там нет, – он постучал по дощатой стене у себя за спиной, – зато трехъярусные полки, соломенные матрасы... При желании можно захватить с собой в дорогу подушку и одеяло и чувствовать себя как дома!

Анита вообразила себя лежащей на соломенном тюфяке на третьей полке в помещении, больше похожем на передвижной загон для скота, и порадовалась тому, что она не в Пенсильвании и ей не предстоит удовольствие коротать в поезде ночь.

Максимов, по-английски понимавший слабо, нашел себе другого собеседника, с которым сидел *vis-à-vis* у затуманенного копотью окна. То был солидный тучный швейцарец, живший близ Женевы, на самой границе с Бургундией, и потому изъяснявшийся на вполне правильном французском.

– Понравилась ли вам наша страна? – как истинный патриот, вопрошал толстяк.

– Хорошая страна, – тактично отвечал Максимов. – Меня радует, что в том аду, который представляет собой нынешняя Европа, существует островок спокойствия.

– Это вы очень верно сказали. Посмотрите вокруг: в Германии – революция, во Франции – революция, в Испании – мятеж... в Италии, Австро-Венгрии, Польше – куда ни взгляни, везде творятся какие-то беспорядки. И только у нас, в самом сердце континента, все тихо и спокойно. Была полтора года назад Зондербундская война, но она, хвала всем святым, длилась меньше месяца...

– Разве это война? – разомкнул уста доселе молчавший седоусый офицер. – Восемь десятков погибших, ни одного мало-мальски серьезного сражения. Чепуха, а не война! – И, повернувшись к Максиму, доверительно прибавил: – Я тогда состоял при его превосходительстве генерале Дюфуре, лично наблюдал, как он железной рукой пресек смуту.

Американец (он назвался Джеймсом Грином) Аните надоел, его трескотня действовала на нервы. Он уже поведал ей всю свою биографию – от раннего детства и до настоящего момента. Грин оказался практичным не только в одежде, он был коммерческим агентом компании, занимавшейся производством нового технического чуда – машины для механического шитья.

– Триста стежков в минуту, миссис! – захлебывался он от восхищения. – Когда устроили соревнование между десятью профессиональными швеями и одним дилетантом, вооруженным машиной, запатентованной мистером Хоу, швеи проиграли вчистую!

Аните все это было неинтересно, и она, делая вид, будто продолжает слушать, стала потихоньку рассматривать шестого и последнего спутника – худого стройного юношу, по виду почти мальчика, с пухлыми чувственными губами, волнистыми волосами, зачесанными вправо, чуть вытянутым лицом и усиками щеточкой. Юноша выглядел натуральным щеголем: его черный сюртук, широкий в груди, изрядно суживался к талии, отчего верхняя часть туловища походила на фужер для шампанского. К сюртуку прилагались брюки в обтяжку, яркий шейный платок попугайской расцветки и пристроенный на коленях цилиндр, напоминавший Аните перевернутое ведро, к которому зачем-то приклепали неширокие поля.

Анита терпеть не могла таких франтов. По счастью, сюртуки, оканчивавшиеся чуть ниже пупа, и обтягивающие панталоны, из-под которых неприлично выпирало причинное место, с середины сороковых годов стали выходить из моды. Алекс, например, уже давно носил достаточно широкие штаны и светлый пиджак, длинный настолько, чтобы скрыть все интимности. Однако этот юнец, похоже, за ультрасовременными веяниями не следил.

За всю дорогу он не произнес ни единого слова. Сидел угрюмый, погруженный в себя, и вертел в руках то ли стек, то ли хлыстик – вещь абсолютно бесполезную, предназначенную лишь для того, чтобы чем-то занять руки. Оглядев юнца как следует, Анита нахмурилась. Подросток еще, ему бы больше подошла гимназическая куртка, а он туда же – норовит выглядеть записным фатом. И куда только родители смотрят?

– По мне, лучшая в мире армия – австрийская, – разговорился меж тем усатый вояка, приглаживая ладонями свои обширные залысины. – Фельдмаршал Радецкий – настоящий гений, равных ему, пожалуй, и не сыщется...

– Так уж и не сыщется? – поморщился Максимов. – А по мне, австрияки – никудышные воины. Как славно поколотили их в прошлом году в Милане!

Безмолвный юноша внезапно вскочил с места, занес над головой свой хлыстик и прошипел сквозь зубы на ломаном французском:

– Вы забываетесь, сударь! Я этого так не оставлю!

В его голосе и во всей позе было столько патетики, что Анита улыбнулась. Цилиндр-ведро, свалившись с колен хозяина, покотился по полу. Максимов, не поднимаясь с места, хладнокровно перехватил тонкую руку, сжимавшую хлыстик, сдавил ее, словно тисками. Спросил не столько с недовольством, сколько с интересом:

– Что вам не понравилось в моих словах, молодой человек?

– Вы оскорбили австрийскую армию, и я требую, чтобы вы немедленно извинились!

– А вы австриец? – полюбопытствовала Анита.

– Да, – с достоинством ответил щеголь, хотел добавить еще что-то, но сдержался.

Максимов отпустил его руку, промолвил наставительно:

– Следовало бы задать вам взбучку за непочтительное отношение к старшим, но на первый раз воздержусь. Вагонные споры – последнее дело.

Тут бы конфликту и улечься, но австрийский отрок оказался настырным.

– Это уже второе оскорбление! – забушевал он с новой силой, убрав, однако, хлыстик за спину. – На сей раз личное!

– Надо же! – делано изумился Максимов. – Я и не заметил.

– Алекс, – сочла нужным вмешаться Анита, – оставь его в покое.

Остальные пассажиры, сидевшие рядом, молчали, прислушиваясь к перепалке соседей. Происшествие их забавляло.

– Чего вы хотите? – спросил Максимов уже без иронии.

– Сатисфакции! – торжественно провозгласил юнец. – Сейчас же!

– Прямо здесь, в поезде?

Борец за честь австрийского мундира секунду помешкал, но затем сказал, как отрезал:

– На ближайшей станции. Не думаю, что это займет много времени.

– Что ж, – проговорил Максимов медленно и как бы задумчиво. – На станции так на станции. Эта вам подойдет? – Он кивнул на окно.

Состав замедлял ход, мимо прополз аккуратный домишко с табличкой, на которой значилось: «Killwangen».

– Мне все равно, – отвечивал австриец. – Кто из господ согласится быть нашими секундантами?

– Я готов! – подскочил Джеймс Грин с такой поспешностью, точно боялся, что это почетное право украдет у него кто-то другой.

– Я тоже к вашим услугам, – степенно склонил голову седоусый и украдкой шепнул Максиму: – Вы же это не всерьез?

Швейцарец почел за благо не вмешиваться и сделал вид, будто увлечен разглядыванием дивных изумрудных лугов, простиравшихся за станционными сооружениями. Поезд остановился.

– Идемте! – нетерпеливо выкрикнул фат с хлыстиком, поднял с пола свой цилиндр и нахлобучил на голову. – Стоянка недолгая. Нам надо успеть.

Он первым направился по проходу к двери наружу. За ним поспешил американец. Пожилой офицер задержался, поджидая Максимова.

– Алекс, – сказала Анита, нервическим движением поправляя на шее жемчужное ожерелье, – ты же не собираешься убивать этого мальчишка?

– Нет, конечно, – успокоил ее Максимов. – Проведу с ним воспитательную беседу, на том и кончим. Останься здесь, я скоро вернусь.

– Вот еще! – возмутилась Анита и схватила свой ридикюль, с которым предпочитала не расставаться. – Оставить тебя одного, чтобы ты наделал глупостей? Я иду с тобой!

По правде сказать, она не столько беспокоилась за супруга (была уверена, что ему удастся утихомирить заносчивого мальчонку), сколько хотела пусть на несколько минут выбраться из душегубки на свежий воздух.

Максимов не стал вдаваться в дискуссию.

– Пошли!

Сойдя с поезда, они завернули за угол вокзального домика. Там, на пустыре, топтался молодой австрияк. Джеймс Грин стоял подле него и в предвкушении увлекательного зрелища потирал руки.

– Здесь нас никто не увидит, – сказал он. – Джентльмены могут без помех выяснить отношения.

Максимов решил, что пора приступить к дипломатическим переговорам. Драться с сопляком было бы глупо, но и терять лицо ни в коем разе не хотелось. Он решил зайти с другого конца.

– Милостивый государь, – произнес Максимов подчеркнуто вежливым тоном, обращаясь к противнику. – Полагаю, вы не станете отрицать, что дуэль между благородными людьми должна проводиться строго по правилам. Ее участники обязаны соблюдать регламент. Начнем с того, что у нас нет оружия. Приобрести его до отхода поезда не представляется возможным. Посему нам волей-неволей придется отложить дело до Цюриха...

В багаже Максимова лежала парочка неплохих револьверов, но упоминать об этом он благоразумно не стал. Анита мысленно одобрила ход его суждений: до Цюриха ехать еще час с лишним, за это время австрияк остынет и можно будет без ущерба для репутации заключить мировую.

Но пылкий вьюнош без колебаний парировал:

– Оружие у меня есть. Вот оно, – и продемонстрировал увесистый пистолет системы Карла Ульриха (где он только прятал такую громоздкую штуковину в своем облегающем одеянии?).

– Стреляться из одного пистолета? – хмыкнул Максимов. – Как вы себе это представляете?

– Можно по очереди... – ответил австриец уже не так уверенно, как прежде.

И тут встрял дурак-американец. Он выволок из недр своего просторного парусинового костюма шестизарядный «Кольт Уолкер» сорок четвертого калибра и сунул в руку Максимова.

– Для бравого парня ничего не жалко! Эта игрушка вас не подведет.

«Идиот!» – едва не выкрикнула Анита. Приключение, которое поначалу выглядело забавным, принимало все более угрожающий оборот.

Где-то на перроне мелодично звякнул колокольчик.

– «Я един со всем человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол...» – торжественно продекламировал австриец.

– Не думал, что вы такой знаток Джона Донна, – процедил Максимов, взвешивая в руке тяжелый «кольт».

– Между прочим, это сигнал к отправлению поезда, – заметил седоусый. – Вам надо поторопиться, господа.

– Стреляемся сейчас же! – заявил юнец. – На большое расстояние разойтись не получится, нас могут увидеть с платформы.

Соперники встали по углам здания. Австрияк отбросил в сторону свой хлыстик и взял пистолет на изготовку. Максимов озадаченно вертел «кольт» в руках – ситуация вышла из-под контроля, и он не знал, что предпринять.

Между ними шагов восемь, прикинула Анита. С такой дистанции даже слепой не промахнется! Безотчетный ужас заполз в ее сердце. Сразу перестала ощущаться жара, сделалось знобко, по спине побежали мурашки. Анита увидела, с каким хладнокровием и, что важнее, с каким умением целит в Максимова расфранченный молокосос. Он убьет Алекса! – екнуло в груди. Убьет и глазом не моргнет. В сей миг явилось в облике юнца нечто величественное, почти монументальное. Так держат себя люди, обладающие огромной властью и привыкшие распоряжаться чужими судьбами.

– Алекса! – рванулась Анита вперед. – Прекратите... не смейте!

Усатый офицер крепко взял ее за руку.

– Madame, – молвил он сурово, – это мужское дело, они сами разберутся.

Максимов, приняв трудное решение, вскинул револьвер на уровень глаз, навел мушку австрияку в лоб, прямиком под прилизанную челку.

– Стреляйте по команде, на счет «три», – предупредил Грин, не желавший оставаться сторонним наблюдателем. И принялся громогласно отсчитывать: – Один, два...

– Ну и шут с тобой! – сердито воскликнул Максимов по-русски. – Хочешь околеть – околейвай!

– ...три!

Услыхав реплику про шута, австриец вдруг переменялся в лице. Его рука, сжимавшая пистолет, резко дернулась кверху, и пуля, предназначенная Максимова, ушла в небо. В ту же секунду Анита вырвалась из хватки седоусого, бросилась к мужу и толкнула его в локоть правой руки, в которой он держал «кольт». Револьвер изрыгнул пламя, выдохнул пороховой дым. Пуля щелкнула о стену кильвангенского вокзальчика и срикошетила в кусты. Со стены посыпалась иссушенная солнцем штукатурка.

Никто толком не понял, что произошло. Австриец стоял бледный, его пятерня с «Ульрихом» мелко дрожала.

– Вы... русский? – проговорил он, не скрывая волнения.

– Русский, – подтвердил Максимов. – А какое вам до этого дело? Хотите продолжить поединок?

Он вошел в азарт, Аните пришлось двинуть его под ребро – чтобы остепенился. По счастью, австрияк не проявлял более никакой агрессивности. Он спрятал пистолет, подошел к Максимова и коротко, но учтиво поклонился.

– Прошу простить меня, monsieur. Если бы я знал, что вы из России, то повел бы себя иначе. Поверьте, мне очень жаль, что между нами вышло недоразумение... Хорошо, что оно не имело печальных последствий.

– Да уж! – буркнул Максимов, недовольный тем, что дуэль прервалась на самом захватывающем месте. – Но кто вы, черт возьми?

Ответить юноша не успел. Пожилой швейцарский военный прислушался к чему-то удаляющемуся и возопил что было силы:

– Поезд! Наш поезд ушел!

Все пятеро, не сговариваясь, бросились на перрон. Выскочив из-за угла, увидели, как базельский состав, разгоняясь, удаляется в восточном направлении. В небе колыхался черный

дымный плюмаж – словно локомотив издевательски помахивал отставшим пассажирам на прощание.

Из станционного домика высыпали напуганные выстрелами служащие. Австрийский юнец шагнул к ним, стал что-то говорить по-немецки столь бегло, что не оставалось сомнений – это его родной язык. А еще в голосе его слышались приказные нотки.

Анита удивлялась все сильнее: кто же он в самом деле, этот мальчик, который ведет себя с такой королевской уверенностью? Вот один из железнодорожных служак попытался что-то возразить, мальчик строго прикрикнул на него, но затем сунул ему в руку горсть франков, уже фактически ставших единой валютой этого еще недавно разделенного на суверенные кантоны государства. Кнут и пряник, все верно. Служащие моментально испарились – наверное, их слизала языком та упитанная корова, что паслась на лугу недалеко от станции.

Австриец вернулся к своим попутчикам. Застал их оживленно переговаривающимися.

– Следующий поезд будет только завтра, – говорил со знанием дела седоусый военный. – И это очень скверно, поскольку я должен непременно быть в Цюрихе сегодня вечером. У меня приказ – проинспектировать гвардейский корпус...

– Корпус может подождать, – бурчал Джеймс Грин, – а вот то, что вместе с поездом уехали образцы моих швейных машин, мне совсем не нравится.

– Думаете, их украдут? – осведомился Максимов, возвращая Грину «кольт».

– Украсть могут не машину, а идею. Это гораздо хуже. Она, конечно, запатентована, но я слышал, в Швейцарии немало талантливых механиков. Скопируют конструкцию, внесут кое-какие изменения и будут продавать как собственное изобретение.

– Мне кажется, вы плохо думаете о швейцарцах...

В разговор вмешался австриец, и внимание сразу переключилось на него.

– Господа, – сказал он, – так как неприятность произошла по моей вине, я все исправлю.

Мы догоним поезд.

– Как? – удивился Грин. – В этой дыре есть резервный паровоз?

– Паровоза нет. Но мы поступим проще. Вот, смотрите. – И австриец показал рукою на невесть откуда взявшийся шарабан, который подкатили к перрону две чалые лошади (ими правил один из служащих железной дороги, тот, что получил от австрийца щедрую плату). – Мы прекрасно поместимся.

– Спешу вас разочаровать, сударь, – сказал Максимов. – На эдакой колымаге, даже с хорошими лошадьми и по ровной дороге, мы едва ли сделаем более пятнадцати миль в час. Поезд движется быстрее, и мы уже дали ему приличную фору. Нам его не догнать.

– Кучер знает короткий путь. Он обещает, что мы настигнем состав у Шпрайтенбаха. Это следующая станция.

– Едем, Алекс! – Анита пихнула мужа в плечо. – Если и не догоним, то попросим, чтобы нас отвезли прямо в Цюрих. Здесь уже не так далеко.

– А наш багаж?

– Что с ним может случиться в дороге? Вероника присмотрит.

Вероникой звали верную служанку Максимовых, которую они взяли с собой в заграничное путешествие. Она ехала во второклассном вагоне, вместе с публикой попроще.

Вся компания, не теряя времени, взгромоздилась в шарабан. Деревянные скамьи были узкими и занозистыми, но в сложившихся обстоятельствах никто и не вздумал на это сетовать. Возница взмахнул кнутом, что-то гаркнул, и лошади рванулись с места. Шарабан довольно ходко покатился по проселочной дороге, шедшей под углом к рельсовой колее. Максимов стал с беспокойством смотреть на чугунку, от которой они отъезжали все дальше и дальше. Кучер, обернувшись, перехватил этот взгляд, отрывисто пробормотал несколько слов на немецком.

– Скажите, любезный, – обратился к нему Максимов, – нельзя ли прибавить?

Возница не отреагировал. За него ответил седоусый:

– Здесь, в немецкоговорящей Швейцарии, мало кто понимает по-французски... Но вы не беспокойтесь, мы успеем.

Шарабан трясло немилосердно, шатало из стороны в сторону. Анита вцепилась в Максимова, чтобы не вывалиться за борт. К горлу подступила тошнота. Мужчины старались держаться так, будто им все нипочем, хотя по лицам некоторых было заметно, что их тоже мутит.

Строений вокруг становилось все меньше, а пастбищ с коровами все больше. Луга, луга, сплошная зелень, пересекаемая кое-где извилистыми прожилками ручейков с переброшенными через них ладными мостиками. Наконец впереди показался небольшой буковый лесок, а за ним, в просветах между деревьями, блеснули рельсы. Дорога, по которой дробно грохотал шарабан, вела прямо туда.

Максимов привстал, вытянул шею.

– Прозевали! Не видно никакого поезда...

– Он еще не подъехал, – спокойно сказал седоусый. – Мы опередили его на несколько минут. Сейчас двинемся вдоль железнодорожного полотна в сторону Шпрайтенбаха. Возможно, мы будем там даже раньше нашего состава.

Анита уже начала верить, что все закончится благополучно, но тут одно из колес предательски хрустнуло, шарабан грузно осел на правый бок, его пассажиры повалились друг на друга, а возница, проскрипев замысловатое ругательство, натянул поводья. Послушные лошади встали. Максимов первым спрыгнул на землю, заглянул под брюхо перекосившегося рыдвана.

– Поздравляю! Ось сломана...

Возница, чертыхаясь, полез осматривать повреждение. Максимов помог спуститься Аните и остальным. Грин замер, к чему-то прислушиваясь.

– А вот и поезд!

Издали донеслись натужное пыхтение и лязг, которые не могли свидетельствовать ни о чем ином, кроме приближения паровоза и вагонов. Задира-австриец, привыкший, видно, командовать в любых условиях, провозгласил тоном, не допускавшим возражений:

– Вперед! Мы еще можем успеть...

Возражать, собственно, было нечего – он предложил то единственное, что можно было предложить. Оставив кучера возиться со сломанной осью, компания из пяти человек ринулась к двум тускло посверкивавшим металлическим жилам, которые вибрировали и стонали, как гитарные струны, тронутые рукою музыканта.

Анита в своих длинных юбках сразу отстала. На ней было дорожное облачение, но и оно, в силу действовавших законов приличия, имело немалый объем, а длинный подол цеплялся за любые, даже самые микроскопические, неровности почвы. Максимов задержался, взял ее за руку, потянул за собой.

– Быстрее! Быстрее! – торопил мальчишка-австриец, вырвавшийся на несколько шагов вперед и раздраженно оглядывавшийся на медлительных спутников.

Они опоздали – выскочили к насыпи, когда локомотив уже пронесся мимо. Австриец хотел схватиться за ажурные перильца, окружавшие открытую площадку с торца одного из вагонов, но пальцы соскользнули, и он чуть не угодил под колеса, которые несомненно перемололи бы его изящное стройное тело в малоаппетитный фарш.

Седоусый отдернул его назад.

– Незачем рисковать жизнью из-за ерунды!

Когда стало очевидно, что поезд они упустили, Анита сразу успокоилась и принялась рассуждать логически.

До ближайшей станции рукой подать. Добраться туда будет несложно, даже если не удастся починить шарабан. А уж там наверняка они достанут и повозку, и лошадей и сегодня же будут в Цюрихе.

Но вышло совсем не так.

Едва последний вагон промелькнул перед незадачливыми путешественниками, как сбоку что-то громко затрещало, и на пути, в нескольких саженях перед паровозом, рухнуло могучее дерево. Сочный хряск, с которым переломился ствол, гулкий звук удара о рельсы и шорох листвы, обволакивавшей крону, на мгновение заглушили шум поезда. Тут же раздался душераздирающий визг тормозов. Локомотивом управлял опытный механик, но и ему не хватило реакции, чтобы остановить поезд перед таким негладким препятствием.

Локомотив – старый добрый аппарат, построенный Ньюкаслским заводом по типу знаменитого «Rocket», – ткнулся рылом в шелестящую преграду, заскрежетав всеми своими частями. Сила его была столь велика, что он едва не своротил дерево с рельсов, но все же вынужден был остановиться. Две фигурки – механик и кочегар – соскочили наземь. На некоторое время наступила почти полная тишина, если не считать приглушенного гула голосов, раздававшегося из запертых вагонов.

– Что за оказия? – проговорил озадаченный военный. – Первый раз вижу, чтобы такой мощный бук свалился сам по себе.

Но Аните уже бросилось в глаза обстоятельство, которое другие пока игнорировали. Бук упал не сам собой – он был срублен, она даже за сотню шагов разглядела наспех искромсанный топорами комель.

А дальше все развивалось, как в романах Фенимора Купера. Из рожицы выскочили двое в черных балахонах, с ружьями в руках. Они одновременно выпалили в механика и кочегара, и те повалились в зеленую листву лежащего на рельсах бука, утонув в ней, как во вспененной пучине. Затем, не медля ни секунды, один из стрелков полез в вагон первого класса – тот самый, в котором не далее как полчаса тому назад ехали пятеро путников, застывших сейчас в оцепенении позади поезда.

– Вот вам и тихая Швейцария! – присвистнул Джеймс Грин, снова вытягивая свой «кольт». – Да тут почище, чем на Диком Западе!

– Это грабители! – резонно определил юный австрияк, в ладони которого уже прочно сидел «Ульрих». – Их надо остановить!

Он бесстрашно побежал к месту кровавой расправы и прямо на бегу, едва прицелясь, сразил наповал черного головореза, который никак не ожидал нападения с этой стороны. Однако тотчас из рожи посыпались беспорядочные выстрелы, оттуда выбежали еще двое в таких же балахонах, как у убитого, и отважный австриец был вынужден укрыться за последним вагоном.

– Этому парню надо помочь! – сказал Грин и, перебегая от бука к буку, принялся лупить по неизвестным бандитам из своего «кольта».

Безоружные Максимов, Анита и седоусый притаились за кряжистым деревом-великаном и оттуда созерцали ход необыкновенной битвы. Максимов нервничал и вслух сравнивал себя с крысой, забившейся в нору.

– И почему я не завел привычки носить револьвер в кармане? – задавал он риторический вопрос, обращаясь к самому себе.

– Наверное, потому, что он может в любой момент продырявить тебе ногу... в лучшем случае, – отвечала за него Анита.

Седоусый не говорил ничего – театр боевых действий захватил его всецело, он смотрел за сражением с профессиональной точки зрения и был чем-то недоволен.

Чаша весов, впрочем, склонялась в сторону добра. Вот и второй бандит рухнул с простреленной головой – это постарался Грин, нашедший себе удобную позицию за пнем, оставшимся от поваленного на рельсы бука. Бой обязан был закончиться, поскольку оставшийся разбойник не мог отбиваться от двух противников сразу, но, как назло, пистолет юного австрийца замолчал.

– У него кончился боезапас! – догадался седоусый.

Разбойник тоже понял это и, отстреливаясь от Грина, побежал в хвост состава. Австриец высунулся из-за вагона, хотел было перемахнуть через открытое пространство, чтобы оказаться в лесу, но в первом классе что-то тяжело громынуло, в стороны брызнули стекла и обломки деревянной обшивки, послышались истошные вопли пассажиров, и тут же из окна кубарем вылетел выброшенный взрывной волной толстяк-швейцарец.

Все было как в жутком сне: тучное тело вдруг сделалось легче мыльного пузыря, несколько раз перевернулось в воздухе и шмякнулось на траву близ насыпи. Дрогнуло, конвульсивно задергалось – обезображенное, залитое кровью, – изогнулось дугой, потом вытянулось и замерло в неподвижности.

Бандит, не добежав до вагонного торца, за которым скрывался австриец, инстинктивно отпрыгнул в сторону, а из поезда выскочил еще один. Размахивая ружьем, он орал на непонятном языке:

– Hol van? Nem találtam meg!

Австриец, воспользовавшись заминкой, выскочил из-за вагона и кинулся к зарослям. Споткнулся о выперший из земли узловатый корень, растянулся во весь рост. Седоусый бросился к нему, помог подняться. Все это заняло совсем крошечный отрезок времени, но бандиты заметили их, и тот, что выскочил из вагона (он же, несомненно, и устроил взрыв внутри), победно завопил:

– Látom! Most nem hagyod el!

Шарахнули синхронно оба ружья, седоусый схватился за плечо и со стоном сел в траву, но австриец подхватил его и втащил в спасительный лесок. А тут и умница (эх, давно ли в представлении Аниты он был идиотом?) Грин срезал одного из разбойников своим снайперским выстрелом. И только сейчас Анита, помимо воли увлеченная этим дьявольским спектаклем, обнаружила, что рядом с ней нет Максимова.

– Алекс! – крикнула она испуганно и стала озираться по сторонам. – Алекс, ты где?

А Максимов, которому надоело бездействовать, когда другие проявляют чудеса героизма, пробрался ползком среди можжевельных куп, стрелой вылетел из них и прыгнул сзади на шею последнему оставшемуся бандиту. Схватка была недолгой, Максимов вырвал у него из рук ружье и саданул лихоманца прикладом по загривку. Баталия была триумфально завершена.

Анита подбежала к своему мужественному супругу. Убедившись, что он невредим, не стала устраивать сцен – это вообще было не в ее правилах. К ним подошел Джеймс Грин, залихватски дунул в дымящийся ствол «кольта».

– На такое развлечение в здешнем болоте я не рассчитывал, – сказал он, рисуясь.

По справедливости, он заслуживал похвалы, но никто не удостоил его даже взглядом: Анита смотрела на тело, распростертое у ног Максимова, а тот разглядывал доставшееся ему в качестве трофея ружье.

– «Смуглянка Бесс», – классифицировал он неуклюжее длинноствольное оружие, больше походившее на фузею, виденную Анитой на старых гравюрах. – С перезарядкой – одно мучение. Вот почему мы так легко отделались...

Аниту технические тонкости не занимали. Она показала Максиму на лежащего бандита, чье лицо было все еще скрыто черным наголовником с неким подобием матерчатого забрала – так что видны были только закрытые по случаю бессознательного состояния глаза.

– Ты убил его, Алекс?

– Нет, зачем? Сейчас очухается... Надо же узнать, кто эти башибузуки и чего ради они устроили бойню посреди такой идиллии.

Подковыляя, зажимая рану в плече, седоусый военный, заботливо поддерживаемый юным австрийцем.

– Прошу прощения, господа... – виновато промолвил усач. – Мне показалось, они меня узнали... и стреляли в меня. Выходит, я и есть причина всей заварухи. Могу предположить, что

эти злопамятные субъекты мстят мне за ту роль, которую я сыграл в Зондербундской войне. Она расколола общество на два враждебных лагеря – как любая гражданская...

– При чем здесь вы? – не слишком любезно спросила Анита. – Стреляли во всех, но метили, – она с прищуром взглянула на австрийца, – в вас. (При этих словах он вздрогнул.) Да-да, не вскидывайтесь! Я хорошо видела, в кого целил этот негодяй. Он хотел убить вас, а вы, – она повернулась к седоусому, – вы случайно подставились под пулю. И, не исключено, спасли молодому человеку жизнь.

– Я даже не думал об этом, – стушевался седоусый.

Анита в упор посмотрела на австрийца, буквально всверлилась в него своими колючими зрачками.

– Скажите же, кто вы такой! У вас полные карманы денег, на вас одежда, которая стоит целое состояние... на вас охотятся с ружьями... – Она выдержала небольшую, но эффектную паузу. – И еще у вас перекошились усы, они вот-вот отклеятся.

Австриец залился густой карминной краской, беспорядочно зашевелил руками, стал прилаживать на место свои несуразные усики. Анита еще не видела его в таком смятении. Требовавалось что-то отвечать, четыре пары пытливых глаз впилась в него, но отвечать он не хотел.

Ему и не пришлось. Из леса, который после окончания пальбы погрузился в безмолвие, вышли стройной шеренгой еще четверо незнакомцев в черных балахонах – точные копии только что сраженных. Все они держали наперевес раскритикованные Максимовым, но оттого не ставшие безобидными ружья «Brown Bess» калибром три четверти дюйма.

– А вот это уже совсем худо... – еле слышно произнес Максимов.

Грин и юный австриец, не сговариваясь, отеснили Аниту назад, прикрыли собой. Она не противилась, очередная перемена декораций ошеломила ее.

– Отступаем за вагоны, – уголком рта скомандовал усатый офицер (он продолжал зажимать ладонью рану, рука его и часть мундира обильно окрасились кровью).

Стали медленно пятиться к составу, из нутра которого доносилось что-то похожее на многоголосый вой. Грин, австриец и Максимов выставили перед собой дула, что было трюком скорее психологическим, ибо ружье Максимова и пистолет австрийца были разряжены. Бандиты, как дисциплинированные солдаты на плацу, вскинули свои фузеи к плечам.

– Нелли, беги! – рявкнул Максимов.

Грянул залп. Седоусый с простреленной грудью рухнул ничком на землю. Еще одна пуля сшибла с австрийца его щегольской цилиндр. В ответ прозвучал выстрел Грина, ранивший одного из бандитов в ногу. Большого добиться не удалось. Разбойники принялись торопливо перезаряжать ружья, позволив своим жертвам совершить рывок и укрыться за последним вагоном – там, где минуту назад скрывался молодой австриец.

– Стреляйте же, Грин! – взмолилась Анита. – Стреляйте еще!

– Увы, – развел руками американец, – мой запас тоже иссяк. Есть еще пара сотен патронов в бумажных гильзах, но все они в багаже, на крыше вагона.

Положение из критического стало безнадежным. Четверо безжалостных убийц скоро поймут, что сопротивления не будет, и им останется лишь поупражняться в стрельбе по живым мишеням. Уж в этом-то они преуспеют – Анита не сомневалась.

– Стойте! – выкрикнул австриец зычным голосом и вышел из-за вагона. – Если вам нужен я – стреляйте в меня. Прочих не трогайте.

– У мальчугана храброе сердце, – уважительно шепнул Грин Аните и Максиму. – Кто же он такой, кол мне в глотку?

Австриец зашвырнул в кусты никчемный «Ульрих» и спустился с насыпи. Теперь он стоял перед вооруженной четверкой совершенно открыто, как приговоренный к казни арестант на расстрельном полигоне. Анита что было силы сдавила предплечье Максимова.

– Алекс, неужели ничего нельзя сделать?!

– Боюсь, что ничего... И самое гадкое то, что, когда они расправятся с ним, они примутся за нас.

Бандиты взяли австрийца на мушку. Они действовали без спешки – знали, что добыча от них никуда не денется. Грянул еще один залп, но австриец остался стоять на ногах. Анита, выглядывавшая из-за вагона, не поверила глазам: в траву мешками свалились сами стрелки – кто спиной, кто боком.

– Что с ними?

Ответ на этот вопрос был получен незамедлительно. За поверженными разбойниками замелькали, заслоняемые ветвями буков, люди в пестрых одеяниях. На них не было масок и балахонов, но они предпочитали не высовываться. Анита даже не сумела подсчитать, сколько их точно: четверо? пятеро? больше?

– Час от часу не легче... – пробубнил Джеймс Грин, с досадой сунув пустой «кольт» за пояс. – Еще какие-то мерзавцы на наши головы...

Один из новоприбывших – смуглый, бородатый, с цыганскими чертами лица – вышел из-за деревьев. Анита смогла его рассмотреть. Он был высок, жилист, одет в синее пальто (и как только не сварился в нем в такую жару?), из-под которого выглядывала ярко расшитая жилетка. Он деловито осмотрел лежащих в траве бандитов, убедился, что все они мертвы, панибратски подмигнул австрийцу, который все еще столбенел близ насыпи, глумливо-почтительно приподнял свою широкополую шляпу и был таков. Скрылся в лесу, словно его здесь не было, а вместе с ним растаяли и его оставшиеся неведомыми товарищи. Снова повисла тишина, нарушаемая лишь всхлипываниями и повизгиваниями, долетавшими из вагонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.